УДК 316.94

В.А. Ковалёв

Сыктывкар

«Наследие»
№ 1 (14) (2019)

ОТ ИДЕОЛОГИИ К УТОПИИ. КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ИВАНА ЕФРЕМОВА

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.1.8>

В статье рассматриваются противоречия утопического коммунистического проекта писателя-фантаста Ивана Ефремова. Анализируется связь ефремовской утопии с попытками «построения коммунизма» в СССР и коммунистической пропагандой в период правления Н. Хрущёва. Коммунистический проект в тот период смыкался с мечтами об освоении космоса, что находило отражение и в научно-фантастических произведениях. Роман И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» открыл новый этап развития научной фантастики, и новаторство этого произведения во многом осталось непревзойденным. Автор романа зарекомендовал себя не только как ведущий советский фантаст, но и как оригинальный социальный мыслитель. Однако, как и другие произведения Ефремова, эта книга полна противоречий и социально-философских проблем, дискуссии о которых ведутся до сих пор.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, Иван Ефремов, коммунизм, научная фантастика, проектирование будущего, «Туманность Андромеды».

Kovalev V.A. From ideology to utopia. The communist project of Ivan Efremov. The article deals with contradictions of the utopian Communist project of the science fiction writer Ivan Efremov. The author examines relationship of the Efremov's utopia with attempts to «build communism» in the USSR and Communist propaganda during the N. Khrushchev's leadership. At that time the Communist project was connected with the dreams of space exploration, which was reflected in science fiction. I. A. Efremov's novel «Andromeda Nebula» opened a new stage in the development of science fiction, and innovation of this work remained unsurpassed in many ways. The author of the novel has established himself not only as a leading Soviet science fiction writer, but also as an original social thinker. However, like other works of Efremov, this book was full of contradictions and socio-philosophical problems, discussions of which are still underway.

Key words: utopia, anti-utopia, Ivan Efremov, communism, science fiction, designing the future, «Andromeda Nebula».

Иван Антонович (Антипович) Ефремов (1908–1972) оставил заметный след во многих областях. Он участвовал в ряде геологических и палеонтологических экспедиций, был удостоен в 1952 г. государственной премии за свои научные достижения. Масса читателей в Советском Союзе и других странах ценила его приключенческие и фантастические произведения, и, на наш взгляд, суждение о Ефремове как отечественном фантасте номер один является вполне справедливым, хотя о вкусах и не спорят. Но Ефремов был не только известным ученым и знаменитым писателем-

Иван Ефремов в своем рабочем кабинете.
Фотохроника ТАСС

фантастом, но и выдающимся русским мыслителем, осуществившим в своем творчестве синтез многих, порой весьма разнородных идей и предложившим оригинальные социальные концепции и захватывающие прогнозы, касавшиеся развития мировой цивилизации. При этом среди научных рассуждений, идеологических утверждений, публицистических выпадов и литературных образов находилось то, что в наследии Ивана Ефремова нас занимает и в данной работе интересует более всего – его вариант социальной Утопии.

К теме утопий автор статьи обращался и раньше [Ковалёв, 2014], в том числе и на страницах журнала «Наследие» [Ковалёв, Ковалёв, 2018]. Предыдущая журнальная публикация была посвящена утопическому роману выдающегося

русско-американского социолога П.А. Сорокина «Предтеча». Если для ученого-социолога обращение к утопическим мотивам в художественном произведении в начале научной карьеры и проповедь новой моральной парадигмы* в зрелом возрасте – это, скажем так, не совсем типичное явление, то для писателя фантаста в Советском Союзе, при тотальном доминировании коммунистической идеологии, элементы социального утопизма были практически неизбежными. Подробно обсуждать здесь проблематику, связанную с социальными утопиями, мы не можем ввиду обширности, да и просто неисчерпаемости темы, но хотелось бы заметить, что фантастические проекты И. Ефремова вполне укладываются в ряд коммунистических утопий, несмотря на навязывание в СССР коммунизма «научного». И обсуждение темы утопий несколько не утратило актуальности.

Особенно актуальна эта проблематика в стране, где был предпринят самый масштабный эксперимент по внедрению коммунистической утопии, стоивший огромных жертв, неисчислимых материальных и культурных потерь. При этом остается вопрос-загадка о характере ментальности населения и мировоззренческих особенностях образованного слоя (пресловутой «интеллигенции») в этой стране, когда их значительная часть, несмотря на сопротивление, возражения, оговорки и т.д., на эту авантюру по достижению «земного рая» все-таки «подписалась». Почему Россия превратилась в «Советский Союз» и стала «страной, которую не жалко», на долгие десятилетия превратившись в мировой плацдарм по военно-политическому и идеологическому «экспорту мировой революции» и «коммунистического интернационализма», и до сих пор пребывает в мучительных судорогах перма-

* «Должно произойти коренное изменение всей ментальности и установок в сторону нравственных норм, предписываемых Нагорной проповедью» [Сорокин, 2018, с.217].

нентного кризиса, не находя пути возвращения в колею своего национально-исторического бытия?

Эти и подобные вопросы следует иметь в виду, когда обращаешься к теме отечественных утопий, особенно к такому яркому ее проявлению, как «казус Ефремова».

Фантастика И.А. Ефремова как средоточие противоречий

Иван Ефремов как писатель в Российской Федерации гораздо менее популярен, чем в СССР, и многие из современных студентов не только его не читали, но и никогда о нём не слышали. На этот процесс, несомненно, оказывают влияние и новые технологии, и свобода информации, когда предложение культурного продукта просто несопоставимо с советским периодом, в том числе на много порядков возрос ассортимент популярной в молодежной среде фантастики. Но если книги И. Ефремова как «книги для развлечения» потеряли значительную часть своей аудитории, то как «книги для размышления» они сохраняют и даже усиливают свое воздействие. Ефремова постоянно переиздают, находят новые материалы о его творчестве, по поводу которого постоянно «ломаются копыя» и т.д. То есть даже для людей, специально Ефремовым не занимающихся, очевидно, что его тексты сохраняют свою немалую актуальность, даже несмотря на «растворение» той социальной среды и того идеологического контекста, при которых они создавались.

Однако на результатах изучения творческого наследия фантаста факт резкой «перемены климата» отражается противоречивым и далеко не всегда благоприятным образом. По нашей оценке, Иван Ефремов – это драматически одинокая и до конца не понятая фигура, причем как при его жизни, так и после смерти, вплоть до наших дней. Пишут о Ефремове, конечно, немало, но при знакомстве с этой критикой подчас создается впечатление, что речь идет о каких-то разных писателях и раскол в оценках Ефремова идет не столько в эстетической (хотя отмечается и это), сколько в идеологической плоскости. Творчество И.А. Ефремова до сих пор способно порождать самые сильные эмоции. Оно служит предметом не только восхищения и похвал, но и самых яростных нападок, подчас откровенно оголтелых. Ефремова обвиняют в графоманстве, ходульности и схематичности его персонажей, в приверженности евгенике, коммунистическому тоталитаризму, антисоветским настроениям, в пренебрежении экологией, в фашизме, расизме, атеизме, антисемитизме, космополитизме, черносотенстве, в склонности к нездоровому эротизму, фрейдомарксизму, мистическому восточному эзотеризму, рерихианству, ордену тамплиеров и бог знает в чем еще. Сложность и противоречивость ефремовского творчества подчас дают поводы для такого рода критики, и ряд «тёмных сторон» у Ефремова был разобран в монографии С.А. Сергеева [Сергеев, 2018]. Автор этих строк однажды в своих публицистических заметках о Ефремове предпринял попытку его апологии, с систематизацией и разбором основных аргументов антиефремовской критики [Ковалёв, 2015]. Проблема, на наш взгляд, состоит и в том, что пока недостаточно серьезных работ о творчестве Ефремова, а оно само становится добычей сетевых «троллей» и дилетантов-энтузиастов, склонных преувеличивать в ефремовском наследии какую-то лично им интересную тему, оставляя без должного внимания другие аспекты.

Обобщающей и аналитической работы о творчестве и взглядах Ефремова не хватало и не хватает. В книге коллеги палеонтолога П.К. Чудинова [Чудинов, 1986] делается упор на биографию и научные достижения И. Ефремова, к тому же эта биография вышла еще в советские времена, когда не обо всем можно было писать. Пример постсоветской биографии – это вышедшая в серии «ЖЗЛ» книга «Иван Ефремов» О. Ерёминой и Н. Смирнова [Ерёмина, Смирнов, 2013, есть и второе издание – 2018]. Усилиями авторов был собран и описан большой массив биографических данных, что интересно само по себе. Кроме того, авторы предприняли серию встреч с читателями своей книги, что, наряду с проводимыми ими мероприятиями памяти Ефремова и сетевой активностью, способствует популяризации ефремовского наследия. О. Ерёмина проделала большой, можно сказать, подвижнический труд, собрав и опубликовав переписку И. Ефремова [Переписка..., 2016]. Однако анализ рукописного и эпистолярного наследия писателя также далеко еще не закончен. Конечно, «неразобранные коробки» ефремовского архива вызывают чувства досады и возмущения таким отношением к работе одного из самых оригинальных соотечественников. Увы, зависть, запреты и невежество мешали и мешают представить творчество писателя во всем его богатстве и многообразии, хотя поклонники писателя и предпринимают порой важные усилия в этом направлении. Но при этом все же нет оснований считать, что наследие и оценка взглядов фантаста могут претерпеть какие-то кардинальные изменения. Все-таки доступный [Ефремов, 1992 и др.] и постепенно расширяющийся корпус материалов характеризует взгляды И. Ефремова довольно полно, хотя отдельные уточнения способны повлиять на существующие трактовки.

О Ефремове довольно много писали и в советский период, и эти публикации также нуждаются в учете и переоценке. На наш взгляд, во многих отношениях лучшей книгой о Ефремове до сих пор остается работа Е. Брандиса и В. Дмитриевского «Через горы времени» [Брандис, Дмитриевский, 1963], вышедшая в 1960-е гг., несмотря на понятные цензурные и идеологические ограничения того времени, а также на то, что некоторые книги писателя еще не были написаны. Но именно дух эпохи проходившего в СССР под официальным лозунгом перехода к строительству коммунизма был во многом созвучен ефремовской фантастике.

«Туманность Андромеды» и «строительство коммунизма» в СССР

Наибольшую популярность и влияние с точки зрения не только литературной, но и социально-политической, идейной фантастика И.А. Ефремова приобрела в период хрущевской «оттепели» и во многом в связи с принятием на XX съезде КПСС в 1961 г. программы КПСС. В 1961 г. также состоялся первый полет человека, советского космонавта Юрия Гагарина, в космос, что тоже очень сильно резонировало с захватывающими описаниями космических приключений, содержавшихся в вышедшем несколькими годами ранее романе И. Ефремова «Туманность Андромеды», выход которого почти совпал с запуском первого советского спутника [О советском космосе. См.: Владимиров, 1973]. «Туманность Андромеды» печаталась в 1957 г. в журнале «Техника – молодёжи», а в 1958 г. была издана отдельной книгой. Этот ро-

ман стал самой известной и самой подробной коммунистической утопией, перекликающейся с обещаниями КПСС «построить коммунизм». Трудно сказать, в каком из текстов – партийном документе или фантастической книжке – было больше фантазий. Литераторы П. Вайль и А. Генис предлагали подходить к Программе КПСС как к художественному произведению, поскольку ее текст предназначался не для буквального восприятия, а именно для трактовки, пересказа про себя и вслух, переосмысления, для полета фантазии [Вайль, Генис, 1998, с.12, 17].

Роман И. Ефремова почти сразу приобрел массу почитателей, последователей и подражателей, которые с энтузиазмом восприняли идеи приближения коммунистического будущего. Е. Брандис и В. Дмитриевский писали в заключении своей книги о Ефремове о задачах советской коммунистической фантастики: «Несмотря на неравноценность упомянутых произведений, все они, как и “Туманность Андромеды” Ефремова, ставшая примером больших творческих дерзаний, вызваны

к жизни действительностью нашего общественного строя в его неуклонном движении к коммунизму. Сейчас, в свете новой Программы партии, создание “комплексных” произведений о коммунистическом обществе представляется особенно важным» [Брандис, Дмитриевский, 1963, с.160]. Подобное всегда было «особенно важным» для литературы «социалистического реализма» и ее оценки советскими критиками и исследователями. Но, когда речь шла о произведениях о «самом» коммунистическом обществе, это проявлялось наиболее выпукло. Если смотреть современными глазами, то создается впечатление, что советские люди уподоблялись малым детям, которые на полном серьезе обсуждают сказочных персонажей, веря в их реальное воплощение. Так, например, в труде советского литературоведа А. Бритикова о советской фантастике [Бритиков, 1970] будущие коммунистические практики обсуждаются как нечто само собой разумеющееся, а творчество фантастов подвергается строгой оценке с позиций господствующей идеологии*. Обсудив коммунизм, можно было поспорить о внешнем виде инопланетян (сам И. Ефремов настаивал,

Обложка книги «Туманность Андромеды»

* Чтобы было понятнее, о чем идет речь, приведем для сравнения образчик критического отзыва коммунистического литературоведа о романе П. Сорокина «Предтеча»: «В канун Октября разочарованные в революции, отрекшиеся от своего прошлого правонароднические литераторы отвергли принцип революционного переустройства мира. Н. Чаадаев в романе “Предтеча” (1917) выдвинул в противовес пролетарской революции идею возрождения общества через “научную” переделку духовного мира индивидуальной личности» [Бритиков, 2005]. Скорее всего, критик не знал о том, что автором романа был известный социолог, но зато дал ему строгую оценку с «классовых позиций».

например, в повести «Сердце Змеи» на том, что носители разума обязательно должны быть похожи на людей) – антропоморфны ли они или похожи как-то иначе. Для фанатов такие споры характерны: допустим, толкинисты могут бесконечно дискутировать о внешности «эльфов». Но в СССР, да и в других странах, подобными дискуссиями занимались не веселящиеся фанаты, а вроде бы серьезные ученые: ожидали полета к другим планетам, пытались выйти на контакт с внеземными цивилизациями (программа SETI), надеялись на построение коммунизма... Всё именно так и было, но – «пришли другие времена».

Коммунизм или «Агни-Йога»: к попыткам «переосмысления» ефремовского наследия

Время, когда создается или читается то или иное произведение, накладывает на его восприятие серьезный отпечаток. Это совершенно банальное утверждение, тем не менее, надо всегда помнить. Так, многие советские (по)читатели Ефремова искали в его книгах описание коммунистического идеала, а когда страна, превратившись из СССР в РФ, перестала к нему стремиться, то вдруг (как, к примеру, сделали авторы книги о писателе в серии «ЖЗЛ») в Ефремове нашли апологию «Агни-Йоги». Из песни слова не выкинешь, и, судя по всему, писатель действительно отдал дань этому увлечению, находясь в переписке с рядом представителей «эзотерического подполья». Да и название звездолета в ефремовском романе – «Тантра» – может сказать знатокам очень многое, хотя советская цензура не обратила на это внимания. Фантаст интересовался и «Агни-Йогой», о чем есть свидетельства [Юферова, 1991]. Но здесь надо быть осторожным в оценках и помнить о соразмерности «эзотерических» и иных элементов ефремовского мировоззрения. Также, к чести писателя, он довольно скептически относился к ряду моментов в писаниях Е. Блаватской, Рерихов* и т.д. Биографическая книга Ереминой и Смирнова встретила и серьезную критику, когда авторов обвиняли в том, что они слишком бесцеремонно приписывают классику советской фантастики свои собственные взгляды и «пропагандируют» не Ефремова, а «Агни-Йогу». Скандальным эпизодом в реакции на этот выпуск серии «Жизнь замечательных людей» стало открытое письмо родственников Ефремова с протестом против такой трактовки творчества Ивана Антоновича [Открытое..., 2015]. Если в советские времена многие читатели искали в романах Ефремова описание коммунизма, то теперь многие (числом поменьше) находят там «Агни-Йогу». Но можно ли заменить одно другим? Если речь идет об анализе ефремовского творчества, взвешенном и не искажающем его наследие, то мы уверены, что «коммунизм» там важнее «Агни-Йоги» и без подробного разговора о нем в аналитическом материале никак не обойтись, каковы бы ни были пристрастия автора и текущая конъюнктура. Нельзя отбросить социальный проект Ефремова, сосредоточиться только на анализе достижения «совершенствования духовного мира».

* У нас здесь нет возможности, да и желания подробно рассматривать «эзотерическую» составляющую ефремовского творчества. Тем более бесполезно спорить с поклонниками открытия «великих истин». Однако в этих сюжетах, помимо всякого рода «духовности», присутствуют и иные, более реалистичные моменты, о чем, к примеру, пишет автор журналистского расследования «Битва за Гималаи. НКВД: Магия и шпионаж» [Шишкин, 2003]. Адептов «тайных знаний» не только уничтожают, но и используют их в грязных играх спецслужб.

Казалось бы, можно, как это сделали те же О. Еремина и Н. Смирнов в своей версии биографии Ефремова, оседлать любимых «коньков» и пуститься в обсуждение проблем эзотерики, ноосферы, интуитивных прозрений, мистики, трансперсональной психологии и т.д., сосредоточиться, условно говоря, на вопросах «всестороннего совершенствования человека, раскрытия его скрытых возможностей» и т.п. При этом оставить «проблемы социального устройства» как бы на заднем плане и «не интересоваться политикой». Ну что такое низкая политика по сравнению с перспективами «ноосферы»? Но даже у не интересующихся этим «грязным делом» людей есть шанс заметить, что те, кто в «политику» идет, даже будучи неплохими людьми, очень скоро в массе своей превращаются в черт знает кого, совершая какие-то немыслимые для нормального человека аморальные и противозаконные поступки. Это – заметная тенденция в любой стране, а в авторитарных режимах – правило с очень редкими исключениями! И никакие достойные примеры, никакие моральные аргументы на этих «тоже-людей», увы, не действуют. Вроде бы из этого следует то, что тем более надо ценить нравственное мужество других личностей, которые, несмотря на крайне неблагоприятную среду, сумели над ней подняться и стать почти идеальными героями – как многие герои ефремовских произведений. Но «диалектика» Ефремова состоит в том, что такие «идеальные» герои обречены на гораздо большее страдание, они гораздо чаще «простых обывателей» сталкиваются с проявлением окружающего Инферно. Риск погибнуть для них – гораздо выше. (С враждебным давлением окружающего мира сталкиваются в ефремовских произведениях и наделенный огромными способностями Гири́н, главный персонаж «Лезвия бритвы», где действуют современники писателя, и Таис Афинская из одноименного романа о далеком прошлом. Возможно, понимание этого обстоятельства определило и судьбу главной героини «Часа Быка» Фай Родис – идеала и, похоже, женского варианта инкарнации создателя её образа: она погибает при столкновении с инфернальным миром планеты Торманс.) А разве судьба самого И. Ефремова не является здесь подтверждением? Писатель сам чудом избежал репрессий в сталинский период и был вынужден существовать, испытывая угрозу жизни, дефицит нормальной медицинской помощи, жилищные, материальные и бытовые проблемы, зависть и травлю «коллег», глупую «критику» и идиотские вопросы со стороны советских «мещан» и «энтузиастов» – быть в итоге одинокой и трагически непонятой и при этом крайне подозрительной для властей фигурой*. Если даже допустить, что всякого рода «тайные» знания и духовные практики помогают совершенствованию отдельных сапиенсов, то «среда» в отношении них быстро станет гораздо более агрессивной и губительной. В мирах Ефремова освоение разнообразной «йогии» без движения к более совершенному – и именно коммунистическому – обществу не имеет смысла и перспектив.

Еще одним свидетельством сохраняющейся актуальности ефремовских идей является факт обращения к его наследию современных исследователей, и не только литературоведов. Среди этих работ нам хотелось бы особенно выделить работы ка-

* Здесь уместно вспомнить, что вскоре после смерти фантаста его квартира подверглась обыску госбезопасностью [Подробности и версии в, например: Петров, Эдельман, 2002]. Трудно представить, что в связи с этим испытывала вдова писателя.

занского конфликтолога С.А. Сергеева [Сергеев, 2017, 2018], в которых он рассматривает новые аспекты ефремовского наследия именно в социально-политической перспективе. Среди этих вопросов проблемы империи, оппозиции в СССР, олигархии, межнациональных отношений и т.д. Большое внимание исследователь уделяет разнообразным «аллюзиям» в произведениях фантаста, анализирует его книги в контексте эпохи и дискуссий о современных проблемах. На наш взгляд, труды С. Сергеева являются серьезным вкладом в ефремоведение со стороны именно социально-политической. Но при этом мы считаем, что анализ философского и социально-политического проблемного поля фантастики в ряде случаев продуктивнее всего осуществлять через критику ее утопического содержания. Возможно, мы действуем «старомодно», но попыткам рассмотреть ефремовское творчество в духе постмодернизма или через призму эзотерических учений мы предпочитаем социально-политический анализ произведений писателя в рамках противоречия между утопией и дистопией (синоним антиутопии), так, как, например, во многих случаях работала советский специалист по утопиям Виктория Чаликова. Исследовательница солидаризировалась с определением, которое дал утопии Л. Сарджент: *«Утопия – это подробное и последовательное описание воображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества, построенного на основе альтернативной социально-исторической гипотезы и организованного – как на уровне институтов, так и человеческих отношений – совершеннее, чем то общество, в котором живет автор»* (Курсив мой. – В.К.) [Чаликова, 1991, с.8]. Утопия – это подробный проект, построенный в соответствии с неким социальным и нравственным идеалом. Книга «Туманность Андромеды» именно такова. Действие романа вынесено на тысячу лет в будущее, когда на Земле утвердилось всепланетная коммунистическая цивилизация. Люди принимают и расшифровывают сигналы из космоса и имеют связь с мирами так называемого Великого Кольца. Но непосредственный контакт пока установить не удастся – ни посредством экспедиций к звездам, ни через рискованный эксперимент, на который решается один из героев романа, но терпит неудачу. Тем не менее люди грядущего всегда готовы к подвигам во имя науки и прогресса. Роман заканчивается на торжественно-героической ноте: в дальний космос отправляется очередной звездолет, экипажу которого не хватит жизни, чтобы вернуться обратно. Однако коллизии романа и приключения героев разворачиваются на фоне подробного описания различных сторон прекрасного будущего. Коммунистическое общество у Ивана Ефремова – это не просто фон, среда, без которого слова и действия персонажей романа были бы попросту непонятны, но это будущее – его проект в подробных авторских описаниях составляет основное содержание произведения.

Коммунистический проект: идеология и утопия

И. Ефремов – писатель именно советский, хотя, судя по всему, его отношение к окружающей действительности было довольно критическим. Но отношения советских людей с коммунистической властью были хоть и крайне ассиметричными, но отнюдь не однозначными. Так, когда речь идет об «инженерах человеческих душ», писателях и прочих творческих работниках, много говорится о том, как

«софья власьевна» их преследовала, запрещала, ограничивала цензурой и т.д., но ведь и использовала тоже, и поощряла. Вряд ли деятели советского агитпропа разбирались в тонкостях ефремовских построений, но нельзя отрицать и того, что произведения И. Ефремова, который советскими идеологами также рассматривался как «инженер человеческих душ», широко использовались в деле «коммунистического воспитания» молодежи – одна романтика чего стоит! – иначе их не печатали бы в Советском Союзе огромными тиражами. Сомневаться в приверженности коммунистическим идеалам самого И.А. Ефремова, по крайней мере на протяжении большей части периода творческой активности, тоже нет оснований, хотя он и расходился с идеологическими догмами. Кроме того, на восприятие коммунистического идеала не могла не повлиять практика репрессий*, масштаб которых ужаснул, даже после робких и непоследовательных разоблачений «культа личности», что тоже было, наряду с «коммунизмом и космосом», характерной особенностью периода «оттепели». Как писал в этой связи В. Ревич, критикуя писателя с либеральных позиций, Ефремов «ринулся одним из первых спасать белоснежные, но обильно окровавленные ризы дорогого ему коммунистического царства. Он продолжал верить в то, что ничего лучшего для будущего Земли придумать невозможно, и поставил себе задачей убедить окружающих, что коммунизм – не унылый фаланстер, не принудилровка, а счастливая, красивая и творчески наполненная жизнь для всех. Он создал, может быть, последнюю коммунистическую утопию, в том смысле последнюю, что хотя утопии, конечно, будут сочиняться и в дальнейшем, но, боюсь, эпитету ‘коммунистическая’ придется поискать замену» [Ревич, 1998, с.167].

Екатеринбургский философ Л.Г. Фишман считает, что главной целью утопического проекта И. Ефремова являлось его желание дополнить официальную коммунистическую идеологию духовным измерением [Фишман, 2002, с.37]. А этого – духовного измерения и яркого и достоверного образа «Прекрасного Далека» – советской литературе как раз и не хватало. Может быть, функционеры, ответственные за пропаганду и идеологию, и рады были бы вместо «Туманности Андромеды» или «Сердца Змеи» рекомендовать для комвоспитания что-то другое, но вот – что! Ехидную ремарку приводил по этому поводу Л. Геллер: «Замечательная фраза есть в романе Г. Мартынова “Каллисто”’: “В Кремле тепло и сердечно встретили жителей другой планеты. Дружеская беседа продолжалась свыше трех часов”» [Геллер, 1985, с.372]. Ходульность и штампы из передовиц «Правды» заполняли в СССР и художественные произведения. Сегодня «легко говорить», но трудно представить, под каким идеологическим прессом находились «строители коммунизма», как сильно было давление «коллектива», «организации», а если этого не хватало, то и «органов». Сохранять под таким прессом здравомыслие и обсуждать альтернативы – это духовный подвиг, но следы идеологических штампов всё равно оставались.

Стоит помнить, что и сам советский коммунизм был различным в разные периоды – в зависимости от смены власти и тех вождей, которые эту власть теряли/получали. Наибольшую популярность фантастика Ефремова имела в период правле-

* Высказывалось предположение о том, что в «Туманности Андромеды» образ «Железной звезды» – объекта, довольно странного с точки зрения астрофизики – был введен писателем как символ сталинизма [Каспэ, 2015; Сергеев, 2018]. В романе возле этого зловещего места погибает экипаж звездолета «Парус», летевший на поиски новых прекрасных миров.

ния Никиты Хрущёва*. Тогда, наряду с достижением «Прекрасного Далека», вполне реальной была и угроза ядерной войны. Не забудем, что писатель был и свидетелем Карибского кризиса. Люди тогда жили под дамокловым мечом – угрозой уничтожения цивилизации. И Ефремов уже в «Туманности Андромеды» отработал этот сюжет, описав Зирду – планету чёрных маков, чья цивилизация погибла от того, что не справилась с развитием своей же техники. В последний период своего творчества писатель еще чаще обращается к теме планетарных угроз, и в его утопиях воплощены не только коммунистические, но и общечеловеческие ценности и тревоги. Но нельзя и рассматривать писателя просто как сторонника общечеловеческих идеалов, сторонника справедливого общества с совершенным человеком и т.д. (Среди «гуманистов», к примеру, Ф. Энгельс очень сильно отличается от А. Швейцера, и эти отличия носят принципиальный характер, как бы ни хотелось иного некоторым энтузиастам, ратующим за все хорошее против всего плохого.) С другой стороны, очевидно, что Иван Ефремов – это не Суслов и не другие «товарищи», отвечавшие в партии за идеологию, но и не рядовой политинформатор, транслировавший спущенные из ЦК тезисы.

Нам в связи с книгами И.А. Ефремова сразу вспоминается «утопический социализм», который советскими идеологами в официальной доктрине рассматривался как несовершенный предшественник так называемого научного коммунизма. Часто в официальной и «научной» версии строящегося коммунизма главным отличием его было то, что его проект был предельно неконкретным. Классики оставили на этот счет лишь несколько довольно абстрактных замечаний и скупое писали о развитии «высшей стадии человеческого общества», отделяваясь редкими общими замечаниями**. Специфически марксистское отношение к будущему можно увидеть на примере раздраженного ответа Энгельса, когда его просили высказаться не только о «распределении билетов в театр», но и по крайне актуальным в любую эпоху демографическим проблемам: «Если катедер-социалисты настойчиво требуют от нас, пролетарских социалистов, разрешить им загадку, каким образом мы сможем устранить возможную угрозу перенаселения и связанную с этим опасность краха нового социального строя, то из этого вовсе не следует, что я обязан выполнить их желание. Разрешать за этих людей все их сомнения, возникающие у них из-за их собственной путаной сверхмудрости... было бы, полагаю, просто потерей времени... Во всяком случае, люди в коммунистическом обществе сами решат, следует ли применять для этого какие-либо меры, когда и как, и какие именно. Я не считаю себя призванным

* Не знаю, насколько это правда, но если действительно, по некоторым воспоминаниям, в день пленума, где «свергли» Хрущёва, по радио читали ефремовскую повесть «Сердце Змеи», то совпадение выглядит символическим.

** Считается, что главные характеристики коммунистического строя содержатся в абзаце из марксовой «Критики Готской программы»: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому – по потребностям!» [Маркс, 1961, с.20].

к тому, чтобы предлагать им что-либо или давать им соответствующие советы. Эти люди, во всяком случае, будут не глупее нас с Вами» [Энгельс, 1964, с.123–124], и т.д.

Ивану Ефремову было уготовано судьбой жить и творить в самый разгар коммунистического эксперимента, когда сменялись вожди и подходы к грандиозному опыту над «советским народом». Его фантастика оказалась здесь очень даже к месту. Все интересующиеся этим вопросом, конечно, знают про «ближний прицел» в этом жанре. Это когда после угара первых послереволюционных лет в Советском Союзе фактически было запрещено говорить и писать и даже подробно фантазировать о коммунистическом будущем, а сталинисты, победив всяких левых и прочих уклонистов, масштабно решали «чисто конкретные задачи». «Утопизм» в советской фантастике, соответственно, тоже не приветствовался. Типичное советское жанровое произведение того периода – это производственный роман с некоторыми фантастическими допущениями о новом образце чудо-техники или путешествие куда-нибудь, когда по сюжету доказывается, что «советское – значит отличное». Доминировала так называемая фантастика ближнего прицела немцовых-казанцевых и военные шапкозакидательные фантазии всяческих шпановых.

И вот появляется Хрущёв со своими авантюристическими замашками и начинает «штурмовать небо»*: и буквально (перекачивая огромные ресурсы в развитие космических программ), и фигурально, ставя перед партией и народом задачу достижения «высшей фазы» уже в обозримом будущем. Но *что* советские люди знали о коммунизме, кроме того, что там всего будет полно и все будет бесплатно?*

Итак, поколение, которому обещали, что оно будет жить при коммунизме, имело об этом будущем счастье весьма слабое представление. Об этом помнят многие из тех, кто жил в то время, имеются и соответствующие исследования, защищены диссертации [Луцина, 2002; Фокин, 2007]. А.А. Фокин отмечал: «III Программа КПСС наметила основные контуры грядущего коммунизма, не дав четких и конкретных картин будущего. Этот расплывчатый образ, преломленный в текстах, вызвал у населения ответную реакцию. Многие видели в коммунизме решение собственных проблем, часто бытового характера, другие же стремились поскорее воплотить в жизнь идеал коллективного “светлого будущего”» [Фокин, 2007, с.199]. Разумеется, советская пропагандистская машина работала вовсю. Коммунистическая тематика на страницах журнала достигла своего пика в 1961 г. с появлением рубрики «Обсуждение проекта Программы КПСС», хотя значительный массив статей вышел в свет с 1958 по 1960 г. и после 1961 г. Редакция журнала охотно отвечала на вопросы читателей не только на своих страницах, но и в ответных письмах, что подтверждает двойное влияние на медиатора. Другой официальный орган – газета «Правда» – тоже играл роль посредника. В частности, редакция газеты «Правда» выпустила 6 специальных номеров под названиями «Коммунизм утверждает на земле Мир», «Коммунизм утверждает на земле Равенство», «Коммунизм утверждает на земле Счастье»

* «Штурмующие небо» – это комплимент деятелям так называемой Парижской коммуны (1871), который отпустили коммунарам их коллеги и продолжатели.

** Как в советском анекдоте: «Нюрка! При коммунизме у каждого вертолет будет... Как зачем? Вот услышишь ты, что в соседнем сельпо яйца “выкинули”, ты на вертолет – и полетела очередь занимать!» («Выкинули» или «выбросили» – это специфический советский термин, обозначавший, что какой-то дефицитный товар, а им могло быть что угодно, поступил в свободную продажу, и его можно купить, отстояв в очереди, а не получив из-под полы по блату.)

и пр. Печать, и в первую очередь официальные издания, подобные «Коммунисту» и «Правде», пытались соединить идеологические постулаты с надеждами и чаяниями советских людей [Фокин, 2007, с. 110]. Нужно было срочно взбивать пену энтузиазма и вдохновлять «строителей коммунизма» на новые подвиги – особенно молодое поколение. Коммунистической фантастике в этом процессе отводилась важная роль.

Но дефицит в постсталинском СССР распространялся не только на продукты, но и на хорошую фантастику. «Туманность Андромеды» была едва ли не единственной книгой, в которой была красочно и по-своему убедительно показана жизнь счастливого коммунистического общества. Если Ш. Фурье в свое время подробно описывал жизнь своего фаланстера, то Ефремов смело следовал именно за «утопичным» Фурье, нежели за «научным» Марксом, чего остальные советские фантасты боялись или не имели для этого достаточного воображения. А вот Ефремов в своих мечтах не был парализован страхом, и в «Туманности» фантаст развернулся вовсю, да так, что рядом с ним некого поставить. Л. Геллер писал: «Популярность романа, особенно среди молодежи, была очень большой. И огромно – до сих пор – ее влияние на весь жанр НФ. В одной книге Ефремов нарушил сразу все запреты: запрет на постановку серьезных вопросов и на социальную критику, на возвращение к прошлому и на взгляд в будущее, на экстраполяцию в науке и на выход в космическое пространство. Появление “Туманности Андромеды” как бы создало совершенно новый пространственно-временной континуум, в котором точками соотнесения стали Эйнштейн и Гейзенберг, Мендель и Циолковский, Фурье и Чернышевский. Все стало возможным» [Геллер, 1985, с. 100]. Из зарубежных исследований новаторский характер ефремовского романа отмечает также Ф. Джеймисон [Jameson, 2005].

Как ни удивительно, но фантастических романов о прекрасном коммунистическом будущем в стране, совершившей революцию, было написано довольно мало, даже когда это было «можно», воображение авторам отказывало. И часто эти попытки напоминали горячечный бред или представляли собой скучнейшие схемы. После большевистского переворота и в бурные 20-е гг. (подробный разбор тогдашней идейной ситуации в книге В.П. Булдакова «Утопия, агрессия, власть» [Булдаков, 2012]) промелькнули, скажем, «Страна Гонгури» В. Итина, «Эскадрилья всемирной коммуны» С. Буданцева, «Первомайский сон» В. Кириллова, «Грядущий мир» Я. Окунева, «Конец» В. Годзинского и кое-что еще. Вкрапления «о коммунизме» были в произведениях официальных советских «классиков» типа В. Маяковского, Л. Леонова и т.п. На фоне их фрагментарности довольно обстоятельно подошел к делу Ян Ларри, написав свою «Страну счастливых» (этот левацкий опус особенно расхваливал советский литературовед Бритиков). У Ларри речь идет не о дальнем (как в «Туманности Андромеды»), а о «ближнем», или раннем, коммунизме, присутствует проблема «родимых пятен проклятого прошлого», есть черты характерного для соцреализма производственного романа, отмечается типичный для писателей-коммунистов конфликт хорошего с лучшим и действует персонаж с поэтичным именем Молибден [Ларри, 1931]. Список фантастических книг о коммунизме «до Ефремова» можно расширить, но все равно он не будет особенно длинным.

Но, конечно, у писателя-утописта была и череда более ранних предшественников. Коммунистическая фантастика Ефремова была факультативным чтением, дополняя обязательный элемент советской школьной программы по литературе – ро-

ман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (беспощадно высмеянный В. Набоковым в «Даре») – с его пресловутым «четвертым сном Веры Павловны». Прочитав это, советские школьники пубертатного возраста могли составить представление о коммунизме как о чем-то, что ассоциировалось с хрустальными дворцами и сексуальными приключениями. Л. Геллер пишет: «Нет сомнения, что Ефремов знал ранние советские утопии, во многом полемизировал с ними (с идеей Пролетария-Машины и пр.), но во многом и следовал за ними. Он знал, по-видимому, книги Богданова, знал дореволюционные утопии Олигера, Куприна, Брюсова» [Геллер, 1985, с.96].

Наиболее известным образцом большевистской фантастики была «Красная звезда» А. Богданова [Богданов, 1908]. Романы Ефремова похожи на богдановские именно своими подробными и позитивными описаниями коммунистического строя. В «Красной звезде» автор старательно рисует картины коммунизма на Марсе, куда попадает герой его произведения, революционер с Земли. Как водится у коммунистов, утопия у них быстро перерастает в антиутопию (для Ефремова это тоже характерно, как мы покажем в дальнейшем), и марсианские товарищи с «Красной звезды» всерьез обсуждают планы уничтожения нашей планеты, потом, правда, выбрав жертвой Венеру. Характерно, что если большевик Богданов-Малиновский спокойно описывает планы уничтожения миллионов людей ради грядущего счастья, то его бывший соратник и оппонент Ульянов-Ленин потом на практике реализует подобные планы.

Также в дореволюционной коммунистической фантастике, по читательским впечатлениям автора этих строк, весьма похож на ефремовские тексты роман «Праздник Весны» Н. Олигера [Олигер, 1910]. Там герои тоже много купаются, создают прекрасные скульптуры и любуются ими, организуют грандиозные общественные праздники и готовы отправиться совершать трудовые подвиги в суровых природных условиях. Особыми художественными достоинствами «Праздник» не отмечен, но в нём присутствуют и философские размышления о жизни и смерти, и характерное для социальных фантастов понимание трагедии ограниченного человеческого существования. Олигер в молодости тоже был большевиком, а потом, как говорится, разочаровался.

Однако многие произведения ранней коммунистической фантастики в послевоенном СССР были по тем или иным причинам запрещены, недоступны или смотрелись нелепо. Книги Ефремова пришлось тут как нельзя кстати, и на несколько лет писатель с властью стали ситуативными союзниками. «Туманность» на всю катушку использовалась властями для пропаганды коммунизма, но текст романа слишком многим противоречил официальной догме. Сама судьба этого шедевра фантастической литературы противоречива, как и антиномии, которые содержала книга. Новый ефремовский синтез произвел ошеломительное впечатление на советских современников писателя. О коммунизме так раньше не писали, хотя эта тема в литературе разрабатывалась многие века и даже тысячелетия, но в СССР даже на часть социалистической и утопической литературы был наложен запрет. И. Ефремов со своей «туманностью» на волне «строительства коммунизма» многие запреты успешно преодолевал, но фактически его детализация перспективного коммунистического проекта была переходом ОТ ИДЕОЛОГИИ К УТОПИИ. Здесь писатель как бы проделал обратный путь, по сравнению с тем, что описан в классическом труде Кар-

ла Манхейма «Идеология и утопия» [Манхейм, 1994]. У Манхейма утопия довлеет в период борьбы контрэлиты за власть, и при помощи утопических лозунгов революционеры привлекают к себе массы. Но в случае победы утопия быстро сменяется идеологией, и прежнее учение служит уже не разрушению старой, а укреплению новой власти. У всех перед глазами был путь, проделанный от «борьбы за свободу» российскими социал-демократами и прочими революционерами до утверждения коммунистами-большевиками беспощадной тоталитарной диктатуры, с невиданными раньше запретами и ограничениями. В условиях «оттепели» многих привлекало возвращение к «настоящему коммунизму», «истинному марксизму-ленинизму» и т.д.; и в этой среде коммунистические образы Ефремова были восприняты на ура. Но вопиющие противоречия между картинками, которые рисовала пропаганда, и окружающей жизнью порождали, в том числе, и настроения, похожие на «*манихейство*»: неразрешимое противоречие между «идеалом» и «реальностью» и неприятие последней, что влекло за собой критику реалий советского социализма. Кроме того, коммунистическая утопия весьма быстро переходила в свою противоположность, становилась тоталитарной («оружелловской») антиутопией – и не только на практике в ходе «усиления классовой борьбы», но даже и в фантастике, по мере развития, осмысления и критики заложенных в утопической литературе идей. Фантастические произведения И. Ефремова дают, на наш взгляд, прекрасный пример такого перехода. Но об этом в следующей статье.

Литература

- Брандис Е.П., Дмитриевский В.И. Через горы времени. Очерк творчества И. Ефремова. Л.: Советский писатель, 1963. – 220 с.
- Бритиков А.Ф. Русский советский фантастический роман. Л.: Наука, 1970. – 448 с.
- Бритиков А.Ф. Отечественная научно-фантастическая литература (1917–1991 годы). Кн. первая. Научная фантастика – особый род искусства. СПб.: Борей-Арт, 2005. – 330 с.
- Богданов А. Красная звезда. (Утопия). СПб.: «Т-во худ. печати», 1908. – 156 с.
- Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия. 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. – 720 с.
- Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: НЛЮ, 1998. – 368 с.
- Владимиров Л. Советский космический блеф. Мюнхен: Possev-Verlag, V. Gorachek KG, 1973. – 224 с.
- Геллер Л. Вселенная за пределами догмы. Размышления о советской фантастике. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. – 444 с.
- Ерёмина О.А., Смирнов Н.Н. Иван Ефремов. М.: Молодая гвардия, 2013. – 682 с.
- Ефремов И.А. Собрание сочинений в 5 тт. М.: Совр. писатель, 1992.
- Каспэ И. Тайна Темной планеты, или Как уверовать в будущее: о «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова // Неприкосновенный запас. 2015, № 1. – С. 191–208.
- Ковалёв В.А. Наша фантастическая политика: социально-политические утопии в современной фантастике. Сыктывкар: СыктГУ, 2014. – 172 с.
- Ковалёв В. Иван Ефремов – попытка апологии // Ковалев В. Свободные темы: эссе – заметки – дневник читателя. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. П. Сорокина, 2015. – С.20–54.
- Ковалёв В.А., Ковалёв А.В. Утопия в фантастическом романе Питирима Сорокина «Прачечная человеческих душ» – к вопросу о кризисе и природе человека // Наследие. 2018, №2 (13) – С.70–79.
- Ларри Я. Страна счастливых. Публицистическая повесть. Л.: Лениздат, 1931. – 236 с.
- Луцина Т.Ю. Миф «развернутого строительства коммунизма» в советском обществе в середине 50-х — начале 60-х годов. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ижевск, 2002.
- Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. – С.7–276.

- «Наследие» № 1 (14) (2019)
- Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Изд-во политической литературы. Т.19, 1961. – С.1–32.
- Открытое письмо читателям книги «Иван Ефремов» / А.И. Ефремов, Т.И. Ефремова, Д.А. Ефремова. 2015. [<http://novumirjournal.ru/index.php/news/98-efremov-nasledniki>].
- Олигер Н. Праздник Весны. Роман. Собр. соч., т. 4, СПб.: Освобождение, 1910. – 222 с.
- Переписка Ивана Антоновича Ефремова / Авт.-сост. О. Ерёмина. М.: Вече, 2016. – 1536 с.
- Петров Н., Эдельман О. «Шпионаж» и «насильственная смерть» И.А. Ефремова // Логос. 2002, № 2 (33). – С.15–23.
- Ревич В.А. Перекрёсток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. – 354 с.
- Сергеев С.А. Иван Ефремов в контексте духовных конфликтов XX века. Казань: Изд-во КНИТУ, 2018. – 128 с.
- Сергеев С. Мечтая об антиимперии: Иван Ефремов в поисках «третьего пути» // Ab Imperio. 2017, №3. – С.119–160.
- Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / Сост. ... В.В. Сапов. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. – 640 с.
- Фишман Л. Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2002. – 168 с.
- Фокин А.А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50–60-х гг. XX века: дисс... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2007.
- Чаликова В. Предисловие к антологии зарубежной литературы «Утопия и утопическое мышление». М.: Прогресс, 1991. – С.3–20.
- Чудинов П.К. Иван Антонович Ефремов. М.: Наука, 1986. – 224 с.
- Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М.: Эксмо, Яуза, 2003. – 384 с.
- Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому от 1 февраля 1881 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Из-во политической литературы, 1964. – С.123–125.
- Юферова А.А. Иван Ефремов и «Агни-Йога» // Наука и религия. 1991, № 4. – С.40–44.
- Jameson F. Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. N.Y.-L.: Verso, 2005.